

KEVSTONE/GETTY IMAGES/FOTOBANK.COM

— Британская актриса **Дайна Дорс**, Венеция, 1955

MONDADORI/FOOTFOLD VIA GETTY IMAGES/FOTOBANK.COM

— Французские звезды **Франсуаз Арну, Ив Монтан и Анук Эме**, Венеция, 1965

Не до смеха было на показе фильма «Бездомные собаки»: его создатель — еще один дальневосточный автор, открытый Венецианским фестивалем. Тайванец Цай Минлянь завоевал «Золотого льва» еще в 1994 году за фильм «Да здравствует любовь» и за истекшие с тех пор годы успел стать классиком. «Бродячие собаки» — образец чистого искусства без примеси какой бы то ни было конъюнктуры. Мытарства бездомного отца и двух его детей, которых он пытается забрать с собой на тот свет, ничего общего не имеют с социальной драмой. Это — мощная художественная медитация, по сути уже даже ни кино, а развернутая во времени инсталляция, которую можно представлять в качестве экспоната на Биеннале в венецианских церквях рядом с шедеврами религиозной живописи. Цай Минлянь, которого в последнее время холодно принимали на фестивалях, заговорил даже о своем уходе из кино. Это было бы большой потерей: режиссера такого масштаба и проникновенности так и не появилось. Награда (гран-при жюри), присужденная ему на юбилейном фестивале, возможно, вдохновит его и побудит к новым киносвершениям.

Венецианский — такой странный фестиваль, который фактически начинается за день до официального открытия. Приехав во вторник, а не в среду, ты получаешь возможность посетить лучший из приемов: он проводится на верхней террасе отеля Danieli с божественным видом на лагуну, площадь Сан-Марко, церковь Салюте, острова Сан-Джорджо и Джудекка. Закат придает этой картине еще более впечатляющие романтические черты. И вот, представьте, эта терраса оформлена фотографиями из «Последнего танго в Париже», на столиках лежит соломенная шляпка с альми розами героини Марии Шнайдер, стоят розы, декорированные колючей проволокой, а также большая стеклянная чаша с кусочками охлажденного сливочного масла. Масло подано не только к копченому лососю, но еще и призвано напомнить о знаменитой эротической сцене из фильма Бернардо Бертолуччи.

А вот и сам сеньор Бертолуччи, возглавляющий жюри юбилейного фестиваля, выкатывает в своей коляске, к которой, увы, его уже давно приковала болезнь. К нему подходят другие патриархи — классик итальянского кино Франческо Роззи (старший Бертолуччи почти на 20 лет) и Уильям Фридкин, который приехал получить почетного «Золотого льва» за карьеру. Потом Бертолуччи охотно общается с журналистами и прочими простыми смертными. Мне удается напомнить ему о давней встрече в Москве, куда он привез свой «XX век», а заодно посмотрел советскую прокатную копию «Конформиста». Бывший коммунист Бертолуччи вспоминает:

«Они ругали меня за декадентство и говорили, что в социалистических странах масло используется для укрепления здоровья народа, а не в грязных целях. Они вырезали из моего фильма все, что связано с гомосексуализмом. Я слышал, что сейчас у вас стало еще хуже, чем при коммунистах». Компанию патриархов пополняет Марлен Хуциев: он участвует в юбилейном проекте Венецианского фестиваля «Будущее: перезагрузка». 70 мэтров и актуальных режиссеров со всего мира сняли по короткометражке, длящейся всего одну-полторы минуты и посвященной теме будущего в широком смысле слова: эта абстракция может быть приложена и к кинематографу, и к технологиям, и к политике, и к человеческим отношениям. Так вот короткометражка Хуциева «In PerpetuumInfinitum» — единственная из 70 вызвала аплодисменты в журналистском зале. На экране — Толстой и Чехов, персонажи большого фильма, над которым уже давно работает наш мастер, их снимает на свой допотопный аппарат кинооператор, а потом мы видим стоп-кадр, где между двумя гигантами русской литературы поместился маленький Хуциев, и титр — «Поздравляем Венецианский кинофестиваль!». Если говорить о «Перезагрузке» в целом, технологии явно тянут одеяло на себя: о них идет речь в каждом втором фильме, в том числе и у наших участников проекта — Алексея Германа-младшего и Алексея Федорченко. Самая изящная из этой мультимедийной серии — работа Атома Эгояна, который демонстрирует на экране iPhone репортаж с фотовыставки Антона Корбейна. И все же самые запоминающиеся фрагменты альманаха — те, где речь идет о людях, а не о гаджетах. Фредерик Фонтейн снял крупным планом младенца под песенку «Что будет — то будет, будущее нам не дано». Ким Ки Дук показал, как его старая больная мать ковыляет в магазин, чтобы приготовить своему блудному сыну волшебное блюдо из капусты. Катрин Брейя, анонимно сидя в баре, беседует с молодежью, убеждая, что кино отдалось во власть денег, а деньги — это гермафродит, который воспроизводит сам себя. Но молодая компания все равно решает пойти в кино. «На новый фильм Брейя?» — с надеждой спрашивает собеседница. «Нет, мы хотим что-то полегче», — звучит ответ. Кино продолжает жить, хотя вырастает новая публика, у нее свои запросы, вкусы и ритуалы.

Жемчужиной проекта стал фильм Бертолуччи «Красные башмачки». Коляска — то ли ребенка, то ли чудака, то ли инвалида — едет по развороченный брусчатке Рима, которую местные называют «сам-петрино»: между прочим подобно мэру Москвы тамошний отличился тем, что завез китайскую плитку, которая разрушается, едва успеют ее положить. А потом под звуки французской песенки красные башмачки выезжают на ровную дорогу. Все-таки будущее формируется в прошлом, убеждают самые заслуженные участники «Перезагрузки» — от Бертолуччи до Хуциева.

70-й Венецианский кинофестиваль начался юбилейными торжествами, а завершился весьма противоречивым итогом. Жюри во главе с Бертолуччи наградило «Золотым львом» итальянский документальный фильм «Священная кольцевая» Джанфранко Роззи, вызвав недовольство многих журналистов. Бертолуччи даже обзвали завистником, который ненавидит чужие открытия и думает только о том, чтобы «Последнее танго в Париже» осталось последним в истории официальным достижением авангардного кино. Жестоко и несправедливо!

Из некоторых комментариев можно подумать, будто старейший в мире Венецианский фестиваль вообще близится к закату, тем более что его подпирает проходящий почти в те же сроки фестиваль в Торонто, организованный как часы и напрямую связанный с голливудской киноиндустрией. Да, конкуренция обостряется, и многие представители кинобизнеса в середине фестиваля покидают Венецию, летят за океан. Но как неохотно! Глава израильского «Фильм-экспорта», которого я встретил с чемоданом на пристани, признался: «Ехать в Торонто надо, а душа не лежит. Холодный, бездушный фестиваль! И город такой же». А прекрасная, меланхоличная и хаотичная Венеция умирать не собирается: глядишь, всех нас переживет. И нынешние молодые радикальные критики 70-го фестиваля через 30 лет (они пролетят быстро!) будут писать юбилейные репортажи с 100-го.

— 180-летие марка **Jaeger-LeCoultre** отметила выставкой и ужином в венецианском театре **La Fenice**

